

ТРАГЕДІЯ ЗЛА

(Философскій смыслъ образа Ставрогина).

I.

Среди всѣхъ романовъ Достоевскаго «Бѣсы» занимаютъ совсѣмъ особое мѣсто. Въ этомъ романѣ, который самымъ авторомъ его былъ задуманъ какъ «тенденціозное сочиненіе», нашъ «фантастическій» писатель болѣе всего приблизился къ эмпирической дѣйствительности. Правда, въ теченіе работы надъ этимъ своимъ произведеніемъ Достоевскій измѣнилъ первоначальный замыселъ романа: изъ «памфлета» выросло само собою твореніе съ глубокимъ метафизическимъ содержаніемъ, имѣющее сверхвременное значеніе. Какъ это всегда бывало съ Достоевскимъ, онъ не въ силахъ былъ совладать со множествомъ «обступившихъ его» въ то время идей и образовъ. Поэтому въ романѣ, который первоначально былъ задуманъ имъ какъ чуть ли не полемическое сочиненіе, онъ включилъ цѣлый рядъ своихъ «самыхъ любимыхъ» мыслей, которые, по его словамъ, предназначались имъ ранѣе для другого болѣе «монументальнаго труда». И въ данномъ случаѣ онъ слѣдовалъ лишь закону своего художественнаго творчества: эмирическая дѣйствительность всегда была для Достоевскаго только символомъ болѣе глубокой реальности метафизическаго порядка, реальности

идеи, въ чемъ онъ и самъ справедливо усматривалъ особенность своего «болѣе реальнаго идеализма». И все же, несмотря на то метафизическое углубленіе, которое испытали «Бѣсы», они остались, если и не тенденціознымъ, то во всякомъ случаѣ полемическимъ сочиненіемъ, въ которомъ современная Достоевскому дѣйствительность оказывается часто изображенной съ почти фотографической точностью. Двупланность эмпирическаго и метафизическаго дѣйствія, которая столь характерна для всѣхъ большихъ романовъ Достоевскаго, усугубляется въ «Бѣсахъ» до чрезвычайной степени: изображеніе современной эмпирической дѣйствительности, нерѣдко граничащее съ полемической на нее карриатурой, тѣсно переплетается здѣсь съ глубокой символикой, изображающей реальнѣйшую реальность міра идей. Вся архитектоника романа и самый его стиль становятся вполне понятными, только если принять во вниманіе эту заостренную полярность двухъ плановъ бытія, въ которыхъ протекаетъ напряженное дѣйствіе романа.

Дѣйствительное событіе, которое изображено во внѣшнемъ дѣйствіи «Бѣсовъ», хорошо извѣстно. Это было убійство студента Иванова Нечаевымъ и его товарищами. Нетрудно также узнать въ образахъ отца и сына Верховенскихъ, а также въ образѣ писателя Кармазинова, реальныхъ лицъ: Грановскаго, Нечаева и Тургенева, изъ коихъ двое первыхъ фигурируютъ даже въ рукописныхъ запискахъ Достоевскаго къ роману подъ ихъ собственными именами. А. Долинину недавно удалось показать, что даже такая подробность, какъ рассказъ Шатова о его и Кириллова приключеніяхъ въ Америкѣ почти дословно заимствованъ Достоевскимъ изъ журнальной статьи, въ которой описывалось путешествіе двухъ русскихъ студентовъ въ Америку, имъ въ романѣ пародируемое. Однако Достоевскій не ограничивается только фактами, заим-

ствованными имъ изъ внѣшнихъ источниковъ. Онъ надѣляетъ своихъ героев также и чертами, взятыми имъ изъ личнаго опыта. Такъ Петръ Верховенскій есть, по его собственнымъ словамъ, не только Нечаевъ, но «отчасти также Петрашевскій», къ революціонному кружку котораго Достоевскій принадлежалъ въ своей юности. Отцу Верховенскому Достоевскій вложилъ въ уста безспорно много изъ того, что онъ слышалъ или во всякомъ случаѣ могъ слышать отъ Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе, что какъ разъ во время писанія «Бѣсовъ» онъ съ особенной остротой переживалъ какъ бы возстаніе противъ «открывшаго» его когда-то критика. Извѣстно также, что одна изъ бесѣдъ Кармазинова есть прямая пародія на разговоръ Тургенева съ Достоевскимъ, о которомъ послѣдній въ свое время съ возмущеніемъ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Майкову. Описаніе «нашихъ» (революціонеровъ) въ «Бѣсахъ» полно чертами (какъ напримѣръ увлеченіе идеями Фурье), которыя гораздо болѣе подходятъ къ кружку Петрашевскаго, чѣмъ къ нечаевцамъ, хотя съ другой стороны пониманіе революціи Верховенскимъ-сыномъ почти дословно совпадаетъ съ «Катехизисомъ революціи» Нечаева.

Вполнѣ понятно поэтому, что изслѣдователи Достоевскаго давно уже подняли вопросъ объ эмпирическомъ прототипѣ главнаго героя «Бѣсовъ». Безспорно, образъ Ставрогина выдѣляется среди всѣхъ другихъ мужскихъ образовъ романа (включая даже Шатова и Кириллова) тѣмъ, что въ немъ трудно уловить даже малѣйшія черты какой бы то ни было карикатуры или даже только ироніи. Только самому себѣ иногда кажется Ставрогину «смѣшнымъ», но не другимъ героямъ романа и ужъ менѣе всего читателю, которому онъ представляется чисто трагическимъ героемъ. Отсюда его «загадочный», даже «фантастическій» характеръ, какъ

бы выдѣляющій его среди другихъ, болѣе эмпирическихъ героевъ. А между тѣмъ безспорно, что Достоевскій не только взялъ своего героя «изъ своего сердца», какъ онъ самъ однажды говоритъ, но и изъ личныхъ своихъ воспоминаній. Болѣе того, изъ всѣхъ героевъ «Бѣсовъ» Ставрогинъ является, пожалуй, наиболѣе точнымъ изображеніемъ совершенно конкретной исторической личности. Первоначальное предположеніе, что прототипомъ Ставрогина былъ М. Бакунинъ, представляется теперь уже всѣми оставленными. Л. Гроссманъ, выставившій это предположеніе, самъ въ сущности уже отказался отъ него въ своихъ послѣднихъ работахъ. Если даже и вѣрно, что отношеніе Николая Ставрогина къ революціонерамъ напоминаетъ отношеніе Бакунина къ нечаевскому кружку, если иные черты Бакунина, какъ наприимѣръ его славянофильство, воспроизведены въ образѣ Ставрогина, то все же нынѣ является уже совершенно безспорнымъ, что эмпирическимъ прототипомъ Ставрогина былъ Николай Спешневъ, членъ кружка петрашевцевъ, съ которымъ Достоевскій находился въ тѣсныхъ личныхъ отношеніяхъ, называя его «своимъ Мефистофелемъ». Въ образѣ Ставрогина личное воспоминаніе возобладало такимъ образомъ надъ «тенденціей», какъ и вообще послѣдняя совершенно стусевывается въ характеристикѣ Ставрогина. «Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то ужъ очень черны, свѣтлые глаза его что-то ужъ очень спокойны и ясны, цвѣтъ лица что-то ужъ очень нѣженъ и бѣлъ, румянецъ что-то ужъ слишкомъ ярокъ и чистъ, зубы какъ жемчужины, губы какъ коралловыя, — казалось бы, писанный красавецъ, а въ то же время какъ-будто и отвратителенъ. Говорили, что лицо его напоминаетъ маску». Достаточно только сравнить это описаніе Ставрогина въ романѣ съ сохранившимся портретомъ Спешнева, чтобы сра-

зу же узнать въ Спешневѣ эмпирической прототипъ Ставрогина. Да и описанія Спешнева его современниками вполне соответствуютъ тому, что говоритъ Достоевскій о Ставрогинѣ. «Умень, богатъ, образованъ, хорошъ собою, наружности самой благородной, далеко не отталкивающей, хотя и спокойно холодной, вселяющей довѣріе, какъ всякая спокойная сила, — джентельменъ съ ногъ до головы. Мужчины не могутъ не увлекаться, онъ слишкомъ безстрастенъ и, удовлетворенный собой и въ себѣ, кажется не требуетъ ничьей любви; зато женищины, молодыя и старыя, замужнія и незамужнія, были и, пожалуй, если онъ захочетъ, будутъ отъ него безъ ума... Спешневъ очень эффектенъ: онъ особенно хорошо облекается мантией многотумной, спокойной непроницаемости». По словамъ того же Бакунина, Спешневъ, какъ и Ставрогинъ, умѣлъ внушать къ себѣ довѣріе, «всѣ отзывались о немъ съ большимъ уваженіемъ, хотя и безъ всякой симпатіи», и это несмотря на всѣмъ извѣстные слухи о его распущенной жизни за границей и о будто бы причиненномъ ими самоубійствѣ его жены. Точно такъ же и характеристика Спешнева, имѣющаяся въ актахъ слѣдственной комиссіи по дѣлу петрашевцевъ, во всѣхъ подробностяхъ вполне подходитъ къ Ставрогину. «Спешневъ, гордый и богатый, видя самолюбіе свое неудовлетвореннымъ, желалъ играть роль между своими воспитанниками (какъ и Ставрогинъ онъ воспитывался въ лицѣ). Онъ не имѣлъ глубокаго политическаго убѣжденія, не былъ исключительно пристрастенъ ни къ одной изъ системъ социалистскихъ, не стремился, какъ Петрашевскій, постоянно и настойчиво къ достиженію либеральныхъ своихъ цѣлей; замыслами и заговорами онъ занимался какъ бы отъ нечего дѣлать; оставляя ихъ по прихоти, по лѣни, по какому-то презрѣнію къ своимъ товарищамъ, слишкомъ, по мнѣнію его, молодымъ или малообразован-

нымъ, — и вслѣдъ за тѣмъ готовъ былъ приняться опять за прежнее, приняться, чтобы опять оставить». По тѣмъ же даннымъ и интересовался онъ больше проблемой атеизма, чѣмъ социальными проблемами.

Если такимъ образомъ вопросъ объ эмпирическомъ прототипѣ Ставрогина можетъ въ настоящее время почитаться достаточно выясненнымъ, то совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ философскимъ содержаниемъ образа Ставрогина. Вопросъ о мѣстѣ, которое главный герой «Бѣсовъ» занимаетъ въ метафизическомъ планѣ дѣйствія романа, остается до сихъ поръ еще нерѣшеннымъ, а опубликованная недавно «Исповѣдь Ставрогина» еще болѣе обострила споръ объ идеологическомъ смыслѣ этого загадочнаго героя Достоевскаго. Между тѣмъ для самого Достоевскаго герой его былъ прежде всего воплощеніемъ идеи. «Идея обхватываетъ и владѣетъ имъ», говоритъ Достоевскій въ своихъ запискахъ, «но имѣетъ то свойство, что владычествуетъ въ немъ не столько въ головѣ его, сколько воплощаясь въ него, переходя въ натуру, всегда со страданіемъ и безпокойствомъ и, уже разъ поселившись въ натурѣ, требуетъ и немедленнаго примѣненія къ дѣлу». На этомъ именно основаніи и говорилъ про Ставрогина Достоевскій: «Весь этотъ характеръ записанъ у меня сценами, дѣйствіемъ, а не разсужденіями; стало быть, есть надежда, что выйдетъ лицо» *). Ибо подлинное лицо есть у Достоевскаго всегда воплощеніе идеи, проявляющейся однако какъ метафизическая сила во всемъ образѣ дѣйствій даннаго лица, а не въ одномъ только его мысленіи или его словахъ.

*) Ср. Матеріалы къ «Бѣсамъ» въ т. VIII собранія сочиненій изд. 1906 г., стр. 559, и Письма, 11, 289.

Ставрогинъ не только главный герой «Бѣсовъ», но и центральная въ немъ фигура, «солнце», вокругъ котораго вращаются всѣ другіе образы романа. Только черезъ отношенія къ нимъ понимаемъ мы вполне его образъ, точно такъ же какъ и всѣ другія лица романа въ немъ находятъ свое послѣднее объясненіе. Это видно уже изъ отношенія Ставрогина къ его воспитателю Верховенскому. Онъ имѣетъ со Степаномъ Трофимовичемъ то общее, что оба они «оторвались отъ почвы», отошли отъ народа, не имѣютъ корней въ народной жизни. Они въ извѣстной мѣрѣ суть порожденія петровской революціи, вырывшей трагическую пропасть между народомъ и интеллигенціей. Они относятся къ тѣмъ многочисленнымъ русскимъ людямъ, которые, будучи не въ силахъ найти свое мѣсто въ мірѣ, такъ часто кончаютъ свою жизнь «лишними людьми». Какъ говоритъ Достоевскій позднѣе въ своей пушкинской рѣчи, Пушкинъ былъ первый, кто ясно понялъ и какъ бы открылъ это характерное для всей послѣ-петровской Россіи «поколѣнія странниковъ», которое онъ и изобразилъ въ лицѣ Алеко и Онѣгина. Послѣ Пушкина типъ этого оторвавшагося отъ почвы и парализованнаго въ своей волѣ, ненаходящаго себѣ мѣста въ мірѣ интеллигента, сталъ излюбленнымъ типомъ русской литературы XIX вѣка. Въ Ставрогинѣ онъ получилъ свое самое трагическое и философски самое глубокое воплощеніе. Версильовъ уже уступаетъ ему по силѣ и трагичности, а Иванъ Карамазовъ, являющійся какъ бы послѣднимъ въ ряду этого «поколѣнія странниковъ», выходитъ уже изъ рамокъ этого чисто русскаго типа и вырастаетъ въ образъ общечеловѣческаго метафизическаго значенія.

Подобно своему духовному отцу Степану Тро-

фимовичу, и Николай Ставрогинъ — отщепенецъ, еретикъ въ первоначальномъ смыслѣ этого слова (*αἵρεσις*), и какъ таковой — отвлеченный, разсудочный человѣкъ. Однако онъ представляетъ собою уже какъ бы второе поколѣніе этого типа людей, разсудочность утрачиваетъ въ немъ свою первоначальную наивность. Ставши предметомъ рефлексіи и самокритики, она становится у него нечастьемъ, горемъ отъ ума. Комическое Верховенскаго становится у Ставрогина трагическимъ. Тогда какъ старикъ Верховенскій съ наивною просвѣщенца вѣрить въ идеалы добра и красоты и можетъ воодушевляться ими, то Ставрогинъ уже подточенъ невѣріемъ. Туманный, отвлеченный деизмъ перваго превращается у него въ атеизмъ. Тогда какъ Верховенскій вѣритъ въ прогрессъ, будучи воодушевленнымъ поклонникомъ западной культуры, для Ставрогина Европа есть уже не что иное, какъ «дорогое кладбище». Если Верховенскій совершенно не сознаетъ всей легкомысленности своего приживальщического существованія на счетъ русскаго народа, а духовно на счетъ Запада, то у Ставрогина «скука и лѣнь русскаго барича» пріобрѣтаютъ уже размѣры развратной праздности, не останавливающейся даже передъ преступленіемъ. Невинные «малыя грѣшки» воспитателя усугубляются у «принца Гарри» въ загадочную и мрачную «жизнь великаго грѣшника», вполне ясно сознающаго уже грѣховность своего существованія. Тогда какъ невинный, почти что дѣтскій оптимизмъ перваго заставляетъ его однажды, въ моментъ глубокаго духовнаго прозрѣнія, про себя самого сказать: «Другъ мой, я всю жизнь свою лгалъ, даже когда говорилъ правду», — то Ставрогинъ уже точно знаетъ, что вся жизнь его есть обманъ и ложь, что даже его покаяніе есть не что иное, какъ только маска его презрѣнія къ людямъ и его вызывающей гордости. Быстро утѣшаясь,

старикъ Верховенскій не замѣчаетъ того, какъ онъ съ каждымъ годомъ все болѣе засасывается бытомъ. Напротивъ, Ставрогинъ остается непримиримымъ въ своемъ несчастномъ одиночествѣ, которое носить у него характеръ сознательнаго уединенія. Никакъ нельзя представить себѣ его плачущимъ. Старикъ Верховенскій, напротивъ, изображенъ плаксивой бабой — комическая транспозиція благодатнаго «дара слезнаго», который Достоевскій такъ высоко цѣнилъ. Бесплодіе и полное безсиліе пребывающаго въ абстракціяхъ воодушевленія Верховенскаго вырождается у Ставрогина уже явно въ «чистое отрицаніе», отрицаніе «безо всякаго великодушія и безо всякой силы», лишенное всякой любви, въ томъ числѣ даже любви къ дальнему, и вполнѣ сознающее это свое собственное небытіе. Тѣмъ, что разумъ у Ставрогина утратилъ свою наивность и сталъ предметомъ саморефлексіи, онъ разложилъ себя, какъ начало жизни, и сдѣлался уже началомъ смерти.

Это сознаніе потерянности уединившагося въ себѣ самомъ разума составляетъ существенную черту характера Ставрогина. Ею онъ и отличается прежде всего отъ своихъ либерально-оптимистическихъ отцовъ. Плѣнникъ своего отвлеченнаго разума, онъ отталкивается отъ разума. Невѣрующій, онъ стремится къ вѣрѣ, хочетъ ее, онъ непрерывно колеблется между безвѣріемъ и желаніемъ вѣры, и такъ какъ къ необходимости вѣры приводитъ его все тотъ же разумъ, то его желаніе вѣры носитъ разсудочный и «надрывный» характеръ. Образы Кириллова и Шатова воплощаютъ въ себѣ это основное противорѣчіе Ставрогинской души. Въ нихъ Ставрогинъ «созерцаетъ себя, какъ въ зеркалѣ». Оба они вѣрятъ въ него, «не могутъ вырвать его изъ своего сердца», думаютъ, что слѣдуютъ только его идеямъ. Вотъ Кирилловъ, котораго «сѣла его идея». Онъ вѣритъ или, вѣрнѣе,

онъ чувствуетъ себя «обязаннымъ вѣрить, что онъ не вѣрить». Онъ весь охваченъ своимъ невѣріемъ и дѣлаетъ изъ него всѣ выводы, не останавливаясь ни передъ чѣмъ въ своемъ атеистическомъ восторгѣ: прямая противоположность Ставрогину, который правильно про себя говоритъ: «Я никогда не могу потерять разсудокъ и никогда не могу повѣрить идеѣ въ той степени, какъ онъ». Кирилловъ вѣритъ въ абсолютную мощь разума. «Человѣкъ несчастливъ», говоритъ онъ, «потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ; только потому». «Надо имъ узнать, что они хороши, и всѣ тотчасъ же станутъ хороши, всѣ до одинаго». «Кто научить, что всѣ хороши, тотъ міръ закончить», по вѣрѣ Кириллова. Онъ есть какъ бы чистое воплощеніе разума, этого, по словамъ Достоевскаго, «чисто человѣческаго начала въ человѣкѣ». Поэтому идеи Кириллова и есть ни что иное, какъ абсолютированіе человѣка. Онъ вѣритъ «не въ будущую вѣчную жизнь, а въ здѣшнюю вѣчную». Человѣкъ для него долѣтъ себѣ, и онъ чувствуетъ себя одинокимъ въ мірѣ со своей «страшной свободой». «Время для него не предметъ, а идея: погаснетъ въ умѣ». «Своеволіе» есть атрибутъ его человѣкобога. Вполнѣ послѣдовательно выводитъ онъ изъ этого абсолютнаго уединенія человѣка самоубійство, какъ средство «показать своеволіе», какъ практическое осуществленіе опустошеннаго «я», въ которомъ нѣтъ уже ничего другого, которое въ полной мѣрѣ «поставило свое дѣло на ничто». Но здѣсь какъ разъ мы наталкиваемся на ограниченность разума и безвѣрія. Кирилловъ самъ чувствуетъ эту ограниченность, но охваченный своей идеей, не хочетъ ее видѣть. «Я не понимаю, какъ могъ до сихъ поръ атеистъ знать, что нѣтъ Бога, и не убить себя тотчасъ же. Сознать, что нѣтъ Бога, и не сознать въ тотъ же разъ, что самъ Богомъ сталъ, — есть нелѣпость, иначе непременно убьешь

себя самъ. Если сознаешь — ты царь, и уже не убьешь себя самъ, а будешь жить въ самой главной славѣ. Но одинъ, тотъ, кто первый, долженъ убить себя самъ непременно, иначе кто же начнетъ и докажетъ? Это я убью себя самъ непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только богъ поневолѣ, и я несчастенъ, ибо *обязанъ* заявить своеволие». Этой обязанностью, которую чувствуетъ Кирилловъ, онъ все же связанъ съ другими людьми вопреки своему уединенію. Ставрогинъ ясно видитъ этотъ разладъ и противорѣчіе внутри Кириллова. «Великодушный» и «хорошій» Кирилловъ чувствуетъ себя *обязаннымъ* доводами разума преодолѣть свой страхъ, которымъ онъ все еще остается привязаннымъ къ міру и къ Богу. Вотъ это воодушевленіе Кириллова, котораго предметомъ только является разумъ, но которое менѣе всего разсудочно, его-то и недостаетъ Ставрогину. Ставрогинъ безсиленъ даже утверждать свое невѣріе. Будучи «чистымъ отрицаніемъ», онъ «не можетъ никогда воодушевиться идеей». Онъ-то видитъ, что невѣріе Кириллова только тонкой перегородкой отдѣлено отъ вѣры въ Бога. Поэтому онъ болѣе невѣрующъ, чѣмъ Кирилловъ. Онъ не вѣритъ не только своимъ разумомъ, какъ это дѣлаетъ Кирилловъ, но, въ отличіе отъ послѣдняго, не вѣритъ сердцемъ своимъ и волей, будучи лишенъ всякой любви и восторга. Не вѣря всѣмъ своимъ существомъ, онъ, напротивъ, разумомъ сознаетъ границы невѣрія, необходимость вѣры, къ которой толкаетъ его его разумъ, онъ принимаетъ даже Бога своимъ разумомъ, но именно потому его атеизмъ, атеизмъ сердца, во много разъ превосходитъ чисто разсудочный атеизмъ Кириллова.

Эту именно надрывную, разумомъ навязанную вѣру въ Бога, воплощаетъ Шатовъ. Онъ тоже поклонникъ и ученикъ Ставрогина, несмотря на все возмущеніе свое противъ учителя. Шатовъ

утверждаетъ, что онъ повторяетъ только слова Ставрогина, «воскресившаго его изъ мертвыхъ». «Никогда», утверждаетъ онъ, «разумъ не въ силахъ былъ опредѣлить зло и добро, или даже отдѣлить зло отъ добра, хотя бы приблизительно». На этомъ именно основаніи онъ отрицаетъ социализмъ, который есть для него ни что иное, какъ атеистическая «попытка построить міръ единственно на началахъ разума и науки». Онъ видитъ, что атеизмъ коренится въ оторванности атеиста отъ народа, отъ почвы, и онъ умоляетъ Ставрогина: «цѣлуйте землю», «добудьте Бога трудомъ, мужицкимъ трудомъ». Въ возвращеніи къ народу, который есть для него «тѣло Божье», видитъ онъ единственный еще остающійся Ставрогину путь спасенія. Русскій народъ есть единственный народъ-богоносецъ, и въ своей ненависти къ мертвой Европѣ заходитъ Шатовъ такъ далеко, что видитъ въ католицизмѣ родоначальника атеизма и социализма. Для него католицизмъ вообще гораздо хуже атеизма. Въ этомъ отношеніи отъ идетъ гораздо дальше славянофиловъ, съ которыми, по словамъ Ставрогина, у него то общее, что и онъ также подмѣняетъ утраченную непосредственную вѣру желаніемъ вѣры, будучи только, какъ и они, богоскителемъ, жаждущимъ вѣры. На слова Ставрогина, что онъ низводитъ Бога до атрибута народности, Шатовъ отвѣчаетъ: «Напротивъ, я народъ возношу до Бога». Поэтому-то забота о народѣ превосмогаетъ въ немъ заботу о Богѣ. Онъ абсолютируетъ народъ, точно такъ же, какъ Кирилловъ абсолютируетъ разумъ. Ставрогинъ, безсильный воодушевиться какой-нибудь идеей, не раздѣляетъ этого воодушевленія Шатова, этой его вѣры въ народъ». «Въ Россіи я ничѣмъ не связанъ», говоритъ онъ, «въ ней мнѣ все такъ же чужое, какъ и вездѣ. Онъ даже «не могъ въ ней ничего возненавидѣть». Поэтому въ словахъ Шатова, воз-

вращающаго ему его собственные разсудочные доводы въ пользу вѣры, онъ слышитъ только надрывность этой вѣры, несмотря на всю страстность шатовскаго исканія. «Я хотѣлъ лишь узнать, спросилъ онъ Шатова, сурово посмотрѣвъ на него, вѣруете вы сами въ Бога или нѣтъ?—Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ее православіе... Я вѣрую въ тѣло Христово... Я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи... Я вѣрую, залепеталъ въ изступленіи Шатовъ. — А въ Бога, въ Бога? — Я... Я буду вѣровать въ Бога». Если по отношенію къ Шатову можно примѣнить извѣстные слова Паскаля о томъ, что «кто Меня ищетъ, тотъ уже владѣетъ Мною», то Ставрогинъ не ищетъ Бога, зная уже, что онъ Его никогда не найдетъ. Невѣріе Кириллова, видѣли мы, было чисто разсудочнымъ невѣріемъ, къ которому, въ послѣдней глубинѣ его существа, примѣшивалась вѣра въ Бога. Наоборотъ, вѣра Шатова слишкомъ разсудочная вѣра, подтачиваемая изнутри невѣріемъ. Его любовь и ненависть преобладаютъ однако его сомнѣнія, Ставрогинъ же, напротивъ, «ни холоденъ ни горячъ». Онъ ничего не можетъ противопоставить своимъ сомнѣніямъ, ибо сердце его исполнено безразличія. «Если я недостаточно вѣрую, то, значить, я вообще не вѣрую», говоритъ онъ про себя. Въ отличіе отъ Кириллова, котораго съѣла его идея, Ставрогинъ разъѣденъ идеей. «Ставрогинъ, если вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ вѣруетъ», говоритъ про него Кирилловъ. «Если же не вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ не вѣруетъ». Поэтому онъ и осужденъ постоянно качаться между невѣріемъ и желаніемъ вѣры. Отрицаніе, нашедшее въ немъ свое воплощеніе, такъ и осуждено было остаться «безъ всякаго великодушія и безъ всякой силы». «Даже отрицанія не вылилось», признается онъ самъ въ послѣднемъ письмѣ къ Дашѣ. Изъ

«двухъ возможностей» — вѣрить или сжечь — онъ не въ силахъ былъ даже избрать второй.

Что онъ стоялъ передъ этимъ выборомъ, и что его невѣріе часто понуждало его къ тому, чтобы избрать эту вторую возможность, — объ этомъ свидѣтельствуеетъ отношеніе Ставрогина къ революціонерамъ и къ ихъ предводителю Петру Верховенскому. Отъ своего отца Петръ Верховенскій унаслѣдовалъ убѣжденіе, за которымъ однако не стоитъ уже болѣе никакого воодушевленія, а только самый беззастѣнчивый цинизмъ. Въ той самой мѣрѣ, въ какой воодушевленіе выродилось у него въ цинизмъ, безсильная мечтательность его отца уплотнилась у него въ дѣйственный фанатизмъ. Петръ Верховенскій всегда въ движеніи. Онъ ходитъ и движется очень торопливо, но никуда не торопится. Кажется, ничто не можетъ привести его въ смущеніе; при всякихъ обстоятельствахъ и въ какомъ угодно обществѣ онъ останется тотъ же. Въ немъ большое самодовольство, но самъ онъ его въ себѣ не примѣчаетъ нисколько. Говоритъ онъ скоро, торопливо, но въ то же время самоувѣренно и не лѣзетъ за словомъ въ карманъ. Его мысли спокойны, несмотря на торопливый видъ, отчетливы и окончательны, — и это особенно выдается. Выговоръ его удивительно ясенъ; слова его сыплются, какъ ровныя, крупныя верхушки, всегда подобранныя и всегда готовыя къ вашимъ услугамъ». Активность какъ бы совершенно закупила въ немъ всякую созерцательность и вообще всякую духовность, онъ и описанъ Достоевскимъ, какъ чистый механизмъ дѣйствія. Мелкимъ чертамъ его соотвѣствуютъ короткія мысли и плоскость всего его существа. Нѣтъ въ немъ импонирующаго, хотя и пустого, достоинства его отца. Идеи интересуютъ его мало. Онъ расцѣпываетъ ихъ лишь какъ орудіе дѣйствія, да у него и нѣтъ никакихъ собственныхъ идей, это всѣ чужія идеи, но «какъ все это

искажено, исковеркано», какъ въ ужасѣ восклицаетъ Степанъ Трофимовичъ. Отцовскій либерализмъ выродился у него въ послѣдовательное и безшабашное отрицаніе всѣхъ цѣнностей. Добро, Красота, Святое, даже самая Истина, — все это для него лишь порожденія Пользы. Въ атеизмѣ его нѣтъ уже ничего отъ глубокой проблематики Кириллова, почему онъ и неизбѣжно вырождается въ простое богохульство. Свобода есть для него давно уже ни что иное, какъ сентиментальная иллюзія, почему онъ и замѣнилъ ее рабскимъ равенствомъ. Отвлеченная любовь къ человѣчеству дошла у него до своего логическаго конца, выродившись въ циническое презрѣніе къ народу, въ которомъ онъ видитъ лишь простое удобреніе революціи. Убійство, грабежъ, поджогъ, всѣ средства хороши для поставленной имъ себѣ цѣли. Но самая-то цѣль, ихъ освящающая, — о ней Петръ Верховенскій предпочитаетъ вообще не думать. «Филантропами» презрительно обзываетъ онъ всѣхъ тѣхъ, кто тратятъ время на размышленія о будущемъ строѣ. Новый міръ построится ужъ какънибудь самъ собой, послѣ разрушенія стараго міра. Сейчасъ все дѣло въ разрушеніи, на которое и должны быть направлены всѣ усилія. Отвлеченное отрицаніе, на дрожжахъ котораго выросъ беспочвенный раціонализмъ отцовъ, породило здѣсь какъ свой плодъ реальное отрицаніе, разрушеніе и уничтоженіе. Если у отцовъ было міровоззрѣніе, то у сына Верховенскаго есть только программа, да и программа эта съ теченіемъ времени стянулася въ одну тактику. Для этого въ голую тактику изсякшаго міровоззрѣнія нуженъ еще только одинъ талантъ — талантъ нахрапа. Петръ Верховенскій, который, какъ никто другой, обладаетъ этимъ «даромъ бездарности», есть чистое воплощеніе отвлеченности разума, выродившейся въ чистое отрицаніе.

И все же, діалектика отрицанія ставитъ передъ нимъ необходимость подчиниться какому-то авторитету, хотя бы и вымышленному имъ самимъ. Сынъ Верховенскій принимаетъ систему Шигалева, которая, «исходя изъ безграничной свободы, приходитъ къ безграничному деспотизму», въ которой «убито всякое желаніе, только необходимое позволено», а «горе и воля» разрѣшены только «властвующей одной десятой». Такъ нигилистъ и атеистъ жаждетъ поклониться идолу, богохульникъ становится идолоискателемъ, если не идолопоклонникомъ. Но если Ставрогина толкаетъ желать вѣры въ Бога его разумъ, то Петра Верховенскаго влечетъ поклониться идолу его безудержная активность. Разуму, изсякшему до простой тактики, болѣе всего и соотвѣтствуетъ ложный богъ богъ скрытый, не открывающій себя людямъ, но дѣйствующій тайно, вынуждающій себѣ подчиненіе насильно, чудесами, а не привлекающій къ себѣ людей, какъ свободныя существа, одной только чисто духовной силой явленнаго имъ нравственнаго идеала.

Верховенскій влечется къ Ставрогину, какъ къ своему Ивану-Царевичу, потому что онъ чувствуетъ въ немъ всѣ тѣ дары Антихриста, въ которыхъ онъ нуждается, и которыхъ у него самого нѣтъ. «Я люблю красоту», говоритъ онъ Ставрогину, «я нигилистъ, но люблю красоту. Развѣ нигилисты красоту не любятъ? Они только идоловъ не любятъ, ну, а я люблю идола! Вы мой идолъ! Вы никого не оскорбляете, и васъ всѣ ненавидятъ; вы смотрите всѣмъ ровней, и васъ всѣ боятся, это хорошо. Къ вамъ никто не подойдетъ васъ потрепать по плечу. Вы ужасный аристократъ! Аристократъ, когда идетъ въ демократы, обаятеленъ! Вамъ ничего не значитъ пожертвовать жизнью, и своей, и чужою. Вы именно таковъ, какого надо. Мнѣ, мнѣ именно такого надо, какъ вы. Я никого,

кромѣ васъ, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я вашъ червякъ....» Въ Ставрогинѣ Петра Верховенскаго восхищаетъ не только его «изумительная способность къ преступленію», за которой стоитъ полное безразличіе къ добру и злу, и которой онъ самъ обладаетъ въ высокой степени, но великолѣпіе этого дара у Ставрогина, какъ бы полная его безкорыстность, демоническая сила, излучаемая Ставрогинымъ и совершенно отсутствующая у него, человѣка пользы. Онъ тоже не останавливается ни передъ какимъ преступленіемъ, но онъ дѣлаетъ это изъ соображеній разсудочной пользы, тогда какъ Ставрогинъ совершаетъ свои преступления даже безъ всякаго умысла, какъ своего рода геній въ кантовскомъ смыслѣ, какъ бы нѣкая природная сила, не знающая, что она творитъ. Впрочемъ, Ставрогинъ сознаетъ свои преступленія, и трагическое его образа состоитъ какъ разъ въ томъ, что демонъ его стоитъ выше всякой пользы, и что никакія утилитаристическія соображенія не могутъ его обмануть относительно истиннаго характера его существа, не могутъ заглушить въ немъ сознанія собственной гибели. Ставрогинъ навѣки осужденъ созерцать разумомъ безвѣріе своего сердца, почему разумъ и толкаетъ его къ тому, чтобы желать вѣры. Въ этомъ именно и заключается его крестный путь, ознаменованный въ его имени (*σταυρός*): ему недостаетъ любви, которая есть единственный источникъ истинной вѣры, и онъ самъ сознаетъ это совершенное отсутствіе въ себѣ любви. Если зло дѣйствуетъ въ Петрѣ Верховенскомъ разлагающе, то въ Ставрогинѣ оно само уже внутренне разложено и потому оно у него болѣе созерцательно, чѣмъ активно, дѣйствуетъ тѣмъ, что привлекаетъ, а ни орудуетъ. Поэтому также, если Ставрогинъ есть идолъ Верховенскаго, то этотъ послѣдній — ни что иное, какъ «обезьяна» Ставрогина. Глубоко правильно

опредѣлилъ Вячеславъ Ивановъ Петра Верховенскаго какъ ставрогинскаго Мефистофеля, а Ставрогина — какъ отрицательнаго русскаго Фауста, — «отрицательнаго потому, что въ немъ изсякла любовь, а съ изсякшей любовью и то стремленіе, которымъ спасается Фаустъ» *). Обѣ «ночи», когда Ставрогинъ соблазняется своимъ Мефистофелемъ и смотрится въ него какъ бы въ свое зеркало, занимаютъ въ композиціи «Бѣсовъ» центральное мѣсто. Весь характеръ Ставрогина и его судьба уже вполне опредѣлены здѣсь.

3.

«Никогда никого не могу я любить», признается Ставрогинъ въ своей «Исповѣди», и эта неспособность его любить проявляется въ особенно яркой формѣ въ его отношеніи къ женскимъ образамъ романа. Сынъ своенравной и деспотической генеральши Ставрогиной, тайнымъ бракомъ женатый на безумной Маріи Лебядкиной, любовникъ гордой и страстной Лизы, онъ «безцѣннымъ другомъ своимъ» имѣетъ «нѣжную и великодушную» Дашу, воспитанницу его матери и сестру Шатова. При этомъ однако онъ ни сынъ, ни супругъ, ни любовникъ, ни другъ, ему недостаетъ любви, чтобы это его внѣшнее отношеніе къ близко стоящимъ къ нему женщинамъ сдѣлалось конкретнымъ и живымъ отношеніемъ. Отношеніе его къ нимъ отвлеченно и мертво, не только внутренне раздвоено, но и пропитано все обманомъ и ложью. Всѣ четыре женщины живутъ имъ, любятъ его до самозабвенія, и все же онъ внушаетъ имъ столько же смертнаго страха, сколько и любви. Ихъ любовь проявляетъ

*) Ср. статью его — «Достоевскій и романъ-трагедія». Борозды и Межи, М. 1916. — Эта замѣчательная статья включена Вяч. Ивановымъ въ недавно вышедшую по-нѣмецки его книгу: W. I v a n o v . Dostoevskii. Tübingen 1932, — пожалуй, самое значительное, что написано о Достоевскомъ.

наружу всю двойственность его природы: его оторванность отъ Бога и его горькое сознаніе этого отпада. Страстная и наивная Лиза мечтаетъ его спасти своей любовью, вдохнуть въ него снова жизнь своей страстью, но наталкивается на такое безразличіе души, что одной ночи оказалось достаточнымъ для того, чтобы ея мечта разсѣялась, какъ «опереточная иллюзія». «Мнѣ всегда казалось», говоритъ она, «что вы заведете меня въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ живетъ огромный злой паукъ въ человѣческій ростъ, и мы тамъ всю жизнь будемъ на него глядѣть и его бояться, въ томъ и пройдетъ наша взаимная любовь». Даша тоже вполне сознаетъ, какая перспектива ее ожидаетъ, хотя любовь ее и ее вѣра питаютъ въ ней надежду, что смиреніе ее и терпѣніе въ концѣ концовъ превозмогутъ безразличіе Ставрогина, и она сможетъ ему «возставить цѣль». На этотъ разъ однако самъ Ставрогинъ не вынесъ перспективы «жизни въ Ури». Онъ чувствуетъ, что въ своемъ абсолютномъ уединеніи онъ не только не можетъ ничего дать, но и ничего взять отъ Даши, какъ бы ни была прекрасна и дѣйствительна ея любовь. «Вникните тоже, что я васъ не жалѣю, коли зову, и не уважаю, коли жду. А между тѣмъ и зову и жду», — пишетъ онъ Дашѣ. Онъ находитъ въ себѣ силы отказаться отъ обмана такой любви безъ жалости и безъ уваженія, и изъ гордости въ концѣ концовъ выбираетъ онъ второй путь, тоже обманный, — «показать великодушіе», котораго у него на дѣлѣ нѣтъ. Гордость заставляетъ его все же избрать этотъ второй путь — самоубійства. Настолько хватило въ немъ все-таки силы, чтобы мгновенную смерть предпочесть медленному умиранію.

Это безсиліе Ставрогина выйти изъ обмана, въ которомъ онъ пребываетъ, пріобрѣтаетъ глубокой символическій смыслъ въ отношеніи Ставрогина къ Хромоножкѣ. Дѣвственная душа тайной

жены Ставрогина заперта въ ея больномъ тѣлѣ, какъ въ темницѣ. Сумасшедшая Марія Лебядкина тоскуетъ по своемъ возлюбленномъ, по небесномъ своемъ князѣ, который бы освободилъ душу ее отъ власти князя тьмы, искупилъ бы ее невѣдомый грѣхъ своею любовью *). Ставрогинъ то представляется ей этимъ именно княземъ, то напротивъ она чувствуетъ смертный грѣхъ въ его присутствіи. Когда Ставрогинъ принимаетъ рѣшеніе объявить свой бракъ съ ней, то все, что онъ можетъ предложить ей — это безнадежность существованія, ничѣмъ не отличающагося отъ той же медленной смерти. Изъ гордости и презрѣнія къ людямъ Ставрогинъ готовъ нести тяжесть своего каприза. Онъ готовъ наказать себя, но онъ не можетъ сострадать, не можетъ нести бремени любви и стало-быть также и бремени жизни. Для этого онъ слишкомъ уединенъ, и нѣтъ вѣры въ его равнодушномъ сердцѣ. Онъ не только не вѣритъ разумомъ въ искупленіе и въ воскресеніе, но онъ отрицаетъ ихъ всѣмъ своимъ существомъ, не способенъ ни своимъ сердцемъ, ни своей волей пріобщиться къ нимъ. За маской «князя» и «сокола» Хромоножка ясно видитъ самозванца, «проклятаго Гришку Отрепьева», она не только видитъ ножъ въ карманѣ, которымъ онъ убьетъ ее немощное тѣло, но видитъ и его самага, самозванца, осужденнымъ на гибель. «Прочь, самозванецъ, повелительно вскричала она, я моего князя жена, не боюсь твоего ножа». (Замѣчательно, что не только герои романа, но и его истолкователи были введены въ заблужденіе маской Ставрогина. Хотя самъ Достоевскій совершенно опредѣленно говоритъ о своемъ героѣ какъ о «мрачномъ явленіи», даже «злодѣѣ», большинство критиковъ Достоевскаго видятъ въ немъ не отри-

*) Въ цитованной выше статьѣ (и книгѣ) В я ч . И в а н о в ѣ даетъ глубокое истолкованіе представленнаго здѣсь символа: въ Хромоножкѣ символизирована русская «мать-земля», ожидающая своего жениха и мучимая лже-княземъ и его бѣсами.

пательный, а положительный образъ. Видѣть зло изображеннымъ трагически такъ необычно, что и трагичность Ставрогина (а самъ Достоевскій называетъ Ставргина «трагической фигурой») пытаются истолковать какъ добро, подпавшее злу или судьбѣ. На дѣлѣ однако главнымъ героемъ метафизическаго дѣйствія «Бѣсовъ» является не добро, соблазненное зломъ, а самое зло, трагедія котораго и символизирована въ образѣ Ставрогина. Въ этомъ отношеніи «Бѣсы» представляютъ прямую противоположность «Братьямъ Карамазовымъ», имѣющимъ своимъ предметомъ трагедію добра. Тогда какъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» добро изображено въ динамической схемѣ своихъ восходящихъ ступеней, метафизическое дѣйствіе «Бѣсовъ» носить, напротивъ, статическій характеръ: зло отражается здѣсь въ образахъ другихъ героев романа, которые кружатся вокругъ него, какъ главнаго героя трагедіи, и эта статичность метафизическаго дѣйствія еще усиливается отъ своего контраста съ напряженной динамикой эмпирическаго дѣйствія романа. Сознаніе неисполненной любви, соединенное съ безсиліемъ любить, — въ этомъ адъ Ставрогина. Не только своимъ разумомъ, но всѣмъ своимъ существомъ не вѣрять онъ въ Бога, отъ котораго отъ отпалъ, разорвавъ связь любви, коей всѣ существа связаны съ Богомъ и другъ съ другомъ. Тѣмъ, что онъ сознаетъ этотъ собственный свой отпадъ отъ Бога, онъ преодолеваетъ самъ границы своего невѣрія, однако и это онъ дѣлаетъ только своимъ разумомъ, побуждающимъ его желать вѣры и тѣмъ самымъ еще острѣе переживать свое собственное безсиліе любить и, слѣдовательно, вѣрять. Подобно тому, какъ беспочвенность русскаго интеллигента потенцирована у Ставрогина въ отпадъ отъ Бога, точно такъ же и скука русскаго барича пріобрѣтаетъ у него размѣры чисто люциферовской трагедіи. Типъ прижи-

вальщика и лишняго человѣка, оторваннаго отъ народа и неимѣющаго собственной жизни, усугубляется въ образѣ Ставрогина до двойничества, до чисто призрачнаго бытія, которое для Достоевскаго и есть бытіе зла. Зло, думаетъ Достоевскій, живетъ всегда на чужой счетъ, какъ приживальщикъ, на счетъ добра, маску котораго оно принимаетъ, и отраженнымъ свѣтомъ котораго оно обманывается. У него нѣтъ собственной жизни, а есть только мнимая жизнь, видимость жизни. И, дѣйствительно, сознаніе жизни вытѣснило у Ставрогина самое жизнь. Ставругинъ живетъ въ своихъ отраженіяхъ или въ своихъ «бѣсахъ». «Или, вѣрнѣе, другіе живутъ имъ, для него (вспомнимъ о женскихъ типахъ романа) и «отъ него», а онъ самъ не живетъ, онъ нереаленъ, онъ только Самозванецъ въ дѣйствительности и возможности, «Иванъ-царевичъ», «Гришка Отрепьевъ». Вѣдь за нимъ идутъ живые люди, принимающіе его за нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Ибо въ дѣйствительности онъ «разсыпанъ», «двоится», безлико-многоликій, вселикій». Въ тотъ моментъ, когда сумасшедшая Марія Лебядкина распознаетъ Ставрогина какъ самозванца, его судьба окончательно опредѣляется. Раньше онъ думалъ еще, что чортъ, являющійся ему, есть только галлюцинація, которую онъ сможетъ отогнать напряженіемъ своей жизненной силы, теперь онъ видитъ въ немъ реальность, противъ которой онъ ничего уже не можетъ подѣлать. Съ этого момента Ставругинъ вѣритъ въ чорта: сознавъ вполнѣ свою неспособность вѣрить въ Бога, онъ теряетъ даже волю вѣрить. Съ этого времени онъ уже обреченъ смерти. Подобно тому, какъ вѣра въ Бога и Христа для Достоевскаго есть дѣло не разума, а любви, являющейся источникомъ жизни, точно такъ же и вѣра въ чорта и въ Антихриста есть для него ни что иное, какъ совершенное изсякновеніе любви и

омертвѣніе души, за которымъ слѣдуетъ и тѣлесная смерть. Даша видитъ это съ совершенной ясностью, говоря Ставрогину: «Въ ту минуту, какъ вы увѣруете въ него, вы погибли».

4.

Какъ извѣстно, эти слова Даши, какъ и все мѣсто, гдѣ Ставрогинъ рассказываетъ ей о своихъ галлюцинаціяхъ, выпущены Достоевскимъ изъ окончательнаго текста «Бѣсовъ», очевидно, потому, что онъ полагалъ, что мѣсто это слишкомъ тѣсно связано съ «Исповѣдью», которая должна была за нимъ слѣдовать, и только изъ связи съ послѣдней можетъ быть понято читателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, «Исповѣдь Ставрогина», какъ и вся выпущенная глава «У Тихона», къ которой она относится, составляетъ, на нашъ взглядъ, органическую часть «Бѣсовъ», и если она и не представляетъ собой «кульминаціонной точки романа», какъ думаетъ А. Долининъ, то все же она бросаетъ яркій свѣтъ на образъ Ставрогина, существенно восполняя его характеристику. Что Достоевскій выпустилъ главу «У Тихона» противъ своей воли, слѣдуя лишь категорическому настоянію Каткова, тогдашняго редактора «Русскаго Вѣстника», — обстоятельство это столь же бесспорно, какъ и то, что онъ впослѣдствіи примирился съ этимъ пропускомъ и уже не думалъ возстановливать въ отдѣльномъ изданіи романа пропущенной главы. Не подлежитъ также сомнѣнію, что этотъ вынужденный пропускъ «Исповѣди» существенно отразился на планѣ романа, измѣнивъ первоначально предполагавшійся ходъ его дѣйствія. Изъ письма Достоевскаго къ Каткову отъ 8. X. 1870 г. по поводу отсылки первой части «Бѣсовъ», мы узнаемъ въ точности, въ чемъ состояло это измѣненіе. Достоевскій предполагалъ въ послѣдней части романа

противопоставить «мрачнымъ фигурамъ» рядъ положительныхъ типовъ, среди которыхъ, въ частности, большую роль долженъ былъ играть епископъ Тихонъ, прообразомъ котораго Достоевскому служилъ св. Тихонъ Задонскій. Уже тогда, во время писанія первой части «Бѣсовъ», Достоевскому предносился возвышенный образъ «русскаго инока», нашедшій свое окончательное воплощеніе лишь десять лѣтъ спустя въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Въ выпущенной главѣ «Бѣсовъ» образъ этотъ только бѣгло намѣченъ. Тихонъ не участвуетъ въ дѣйствіи романа, стоитъ внѣ изображенной въ немъ трагедіи, и вся роль его сводится къ тому, чтобы еще рѣзче отѣнить черты главнаго героя, романа, ему столь противоположнаго. Что и самъ по себѣ идеальный образъ русскаго инока мало годился для того, чтобы быть активнымъ участникомъ дѣйствія романа, видно изъ того, что въ послѣдующихъ попыткахъ образъ этотъ точно такъ же остается внѣ дѣйствія трагедіи. Такъ въ «Подросткѣ» Макарь Алексѣвичъ изображенъ странникомъ, появленіе котораго каждый разъ ярко освѣщаетъ и дѣйствіе и героевъ романа, но мало воздѣйствуетъ на нихъ, и даже старецъ Зосима въ образѣ котораго этотъ замыселъ писателя получилъ свое окончательное и совершенное воплощеніе, остается по ту сторону какъ эмпирическаго, такъ и метафизическаго дѣйствія изображенной въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» трагедіи, несмотря на все вліяніе, оказанное имъ на характеръ и судьбу младшаго героя ее, Алеши. Вынужденному пропуску «Исповѣди» изъ «Бѣсовъ» мы обязаны тѣмъ обстоятельствомъ, что Достоевскій отказался отъ своего первоначальнаго замысла включить Тихона въ дѣйствіе романа, и что «Бѣсы» остались такимъ образомъ чистой трагедіей зла. Замыселъ Достоевскаго противопоставить злу «величавый образъ добра» отъ этого только выигралъ: за де-

сять лѣтъ, прошедшихъ отъ «Бѣсовъ» до «Братьевъ Карамазовыхъ», образъ «русскаго инока» выросъ въ душѣ Достоевскаго, созрѣлъ и смогъ получить свое совершенное воплощеніе въ лицѣ старца Зосимы. Съ другой стороны, у насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что пропускъ «Исповѣди» хотя бы въ чемъ-либо измѣнилъ характеръ и судьбу Ставрогина, какъ это полагаютъ В. Комаровичъ и А. Бемъ.. Утратилась не «возможность въ характерѣ и судьбѣ Ставрогина», будто-бы существовавшая въ умѣ автора до вынужденнаго пропуска «Исповѣди», но лишь включеніе въ общую канву «Бѣсовъ» того «ряда положительныхъ фигуръ», которое дѣйствительно составляло первоначальный замыселъ писателя. Если Достоевскій въ концѣ концовъ примирился съ пропускомъ главы и не включилъ ее снова въ отдѣльное изданіе романа, то только потому, что положительная идея, которую онъ хотѣлъ выразить въ образѣ «русскаго инока» была ему слишкомъ дорога, и онъ не хотѣлъ ее, по собственному своему признанію, испортить тѣмъ бѣглымъ изображеніемъ ее, которое только и дано въ пропущенной главѣ *). Такимъ образомъ онъ не возстановилъ этой главы ради не удовлетворяющаго его въ ней образа Тихона, а не потому, что бы изображеніе Ставрогина въ ней противорѣчило образу Ставрогина въ романѣ. Онъ такъ сказать, пожертвовалъ Ставровинымъ ради Тихона — будущаго Зосимы.

Въ самомъ дѣлѣ, предположеніе, что Достоевскій выпустилъ «Исповѣдь» «изъ внутреннихъ основаній» тѣсно связано съ опредѣленнымъ истолкованіемъ «Исповѣди». Исслѣдователи, защищающіе эту точку зрѣнія, видятъ въ «Исповѣди» искренній актъ покаянія и вѣры, открывающій, дѣйствительно, новую жизнь передъ героемъ романа въ

*) Ср. письмо къ Майкову отъ 9. X. 1870 — Письма, II, 291.

духъ фабулы такъ и не написаннаго Достоевскимъ «Житія великаго грѣшника», работа надъ которымъ была прервана «Бѣсами». Однако нѣтъ ничего болѣе превратнаго, чѣмъ такое толкованіе. Прежде всего, оно рѣзко противорѣчитъ словамъ повѣствователя «Бѣсовъ», безспорно выражающаго мнѣніе самаго автора. «Документъ этотъ, по-моему, говоритъ про «Исповѣдь» повѣствователь, дѣло бесполезное, дѣло бѣса, овладѣвшаго этимъ господиномъ. Похоже на то, когда страдающій острою болью мечется въ постели, желая найти положеніе, чтобы хотя на мигъ облегчить себя. Даже и не облегчить, а лишь бы только замѣнить хотя на минуту прежнее страданіе другимъ. И тутъ уже разумѣется не до красоты или разумности положенія. Основная мысль документа — страшная, непритворная потребность кары, потребность креста, всенародной казни. А между тѣмъ эта потребность креста все-таки въ человѣкѣ, не вѣрующемъ въ крестъ, — «а ужъ это одно составляетъ идею», — какъ однажды выразился Степанъ Трофимовичъ въ другомъ, впрочемъ, случаѣ. Съ другой стороны, весь документъ въ то же время есть нѣчто буйное и азартное, хотя и написанъ, повидимому, съ другою цѣлью. Авторъ объявляетъ, что онъ «не могъ» не написать, что онъ былъ «принужденъ», и это довольно вѣроятно: онъ радъ бы миновать эту чашу, если бы могъ, но онъ дѣйствительно, кажется, не могъ, и ухватился лишь за удобный случай къ новому буйству. Да, больной мечется въ постели и хочетъ замѣнить одно страданіе другимъ, — и вотъ борьба съ обществомъ показала ему положеніемъ легчайшимъ, и онъ бросаетъ ему вызовъ. Дѣйствительно, въ самомъ фактѣ подобнаго документа предчувствуется новый, неожиданный и непочтительный вызовъ обществу. Тутъ поскорѣе бы только встрѣтить врага»...

То же самое думаетъ объ «Исповѣди Ставроги-

на» и Тихонъ. «Если бы это дѣйствительно было покаяніе и дѣйствительно христіанская мысль», говоритъ онъ, прочтя «документъ». «Васъ поразило до вопроса жизни и смерти страданіе обиженнаго вами существа: сгало-быть, въ васъ есть еще надежда, и вы попали на великій путь, путь изъ неслыханныхъ: казнить себя передъ цѣлымъ міромъ заслуженнымъ вами позоромъ. Вы обратились къ суду всей церкви, хотя и не вѣруя въ церковь; такъ ли я понимаю? Но вы какъ бы уже ненавидите и презираете впередъ всѣхъ тѣхъ, которые прочтутъ здѣсь написанное, и зовете насъ въ бой». «О, вамъ нуженъ не вызовъ, а непомѣрное смиреніе и приниженіе. Нужно, чтобы вы не презирали судей своихъ, а искренне увѣровали въ нихъ, какъ въ великую церковь, тогда вы ихъ побѣдите и обратите къ себѣ примѣромъ и сольетесь въ любви». Но Ставрогинъ далекъ въ «Исповѣди» отъ всякой любви. Его исповѣдь есть актъ гордости, а не смиренія, есть вызовъ, а не приниженіе, онъ не въ состояніи преодолѣть своего уединенія и той «брезгливости», которую онъ испытываетъ по отношенію къ своимъ ближнимъ. Отсюда эта «боязнь смѣшного», которая по мнѣнію Тихона, его «убьетъ». Поэтому и отговариваетъ Ставрогина отъ опубликованія его «листочковъ». «Васъ боретъ желаніе мученичества и жертвы собою; поборите и сіе желаніе ваше, отложите листки и намѣренія ваши, и тогда уже все поборете. Всю гордость свою и бѣса вашего посрамите. Побѣдителемъ кончите, свободы достигнете».

Наконецъ, и самъ Ставрогинъ тоже вполне сознаетъ, что представляетъ собою въ своемъ истинномъ существѣ его исповѣдь. «Я, можетъ-быть, вамъ очень налгалъ на себя, — настойчиво повторилъ вдругъ Старогинъ, — я даже не знаю еще самъ... Впрочемъ, что же, что я ихъ вызываю грубостью моей исповѣди, если вы уже такъ замѣтили вызовъ?

Такъ и надо. Они стоятъ того». — «То есть, ненавидя ихъ, вамъ станетъ легче, чѣмъ если принявъ отъ нихъ сожалѣніе?» отвѣчаетъ на это Тихонъ, чтобы вскорѣ съ выраженіемъ сильнѣйшей горести воскликнуть: «Я вижу... я вижу, какъ наяву, что никогда вы, бѣдный погибшій юноша, не стояли такъ близко къ новому и еще сильнѣйшему преступленію, какъ въ сію минуту». — «Ставрогинъ даже задрожалъ отъ гнѣва и почти отъ испуга. — Проклятый психологъ! оборвалъ онъ вдругъ въ бѣшенствѣ и, не оглядываясь, вышелъ изъ кельи».

Въ самомъ дѣлѣ, когда Ставрогинъ передавалъ Тихону листки своей исповѣди, онъ уже точно зналъ, что въ это самое время жена его будетъ убита однимъ изъ его «бѣсовъ», каторжникомъ Федькой, и притомъ убита по его собственному слову. Онъ зналъ это, зналъ также, что онъ есть настоящій убійца, и все же пальцемъ объ палецъ не ударилъ, чтобы предотвратить убійство. Подобно убійству Иваномъ Карамазовымъ своего отца, и убійство Ставрогинымъ Хромоножки есть слѣдствіе гордыни и духовнаго безразличія. Но если въ случаѣ Ивана Карамазова смертоноснымъ оказалось добро, перекинувшееся въ зло, отвлеченное добро въ видѣ моральнаго закона разума, презирающаго ближняго и его осуждающаго, — то Ставрогинъ убиваетъ свою жену, какъ игрокъ, ни на что уже ненадѣющійся въ будущемъ и все же въ отчаяніи своемъ ожидающій хотя бы и невозможнаго чуда. Въ этомъ послѣднемъ своемъ преступленіи Ставрогинъ представляется тѣмъ же чистымъ воплощеніемъ зла: его презрѣніе къ ближнему, уединеніе его души, ложь передъ самимъ собой и уныніе, переходящее въ отчаяніе, — всѣ эти смертоносныя силы его души проистекаютъ изъ одного и того же источника, будучи слѣдствіями безвѣрія сердца, какъ отпада отъ Бога.

Для того, кто понялъ истинный смыслъ ис-

повѣди Ставрогина, теряетъ всякое значеніе вопросъ, совершилъ ли дѣйствительно Ставрогинъ то преступленіе надъ дѣвочкой, которое въ ней описано. Вѣдь у него «было много воспоминаній, можетъ-быть, еще гораздо худшихъ передъ судомъ людей», и слѣдовательно достаточно оснований для исповѣди независимо отъ эпизода съ Матрешей. Совершенно неправильно также ставить въ зависимость отъ факта совершенія или несовершенія этого преступленія возможность спасенія Ставрогина. Вѣдь по глубокому убѣжденію Достоевскаго, мысли котораго въ данномъ случаѣ высказываетъ Тихонъ, даже самое страшное преступленіе будетъ прощено Христомъ — «если только достигнете того, что простите сами себѣ». «О нѣтъ, нѣтъ, не вѣрьте, я хулу сказалъ: если не достигнете примиренія съ собою и прощенія себѣ, то и тогда Онъ проститъ за намѣреніе и страданіе ваше великое: ибо нѣтъ ни словъ, ни мыслей въ языкѣ человѣческомъ для выраженія *всѣхъ* путей и поводовъ Агнца, «дондеже пути Его вѣявъ не откроются намъ». Кто обнимаетъ Его, необъятнаго, кто пойметъ *всего* безконечнаго». По Достоевскому, Богъ выше добра и зла, и эта основная идея отрицательнаго богословія высказывается въ данномъ случаѣ Тихономъ для того, чтобы показать Ставрогину возможный еще и для него путь спасенія *). Любовь

*) Поэтому совершенно неправильно предполагать, что «въ глазахъ Достоевскаго изнасилованіе ребенка есть преступленіе, для котораго нѣтъ прощенія, даже согласно высшему божественному порядку», какъ это утверждаетъ А. Долининъ (Цит. статья, стр. 305). Мысль о томъ, что божественная любовь, будучи безконечной, преодолеваетъ самое противорѣчіе добра и зла, Достоевскій развиваетъ подробно въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». О тѣсной связи между этой любимой мыслью Достоевскаго и «отрицательнымъ богословіемъ» см. кромѣ цитованной выше моей статьи, также статьи мои «О посмертныхъ запискахъ Достоевскаго» «Борьба утопіи и автономіи Добра въ міровоззрѣніи Достоевскаго и Вл. Соловьева» (Совр. Зап., кн. 39, 45-46). Эту же мысль положилъ въ основу своей замѣчательной книги «Назначеніе человѣка» (1932) Н. А. Бердяевъ, уже ранѣе близко подошедшій къ ней въ своей работѣ «Міровоззрѣніе Достоевскаго», Берлинъ, 1923.

Божія безконечна, и нѣтъ преступленія, которое она не могла бы искупить. Ставругинъ обреченъ не потому, что онъ совершилъ преступленіе, которому якобы «нѣтъ прощенія», а потому, что совершенное отсутствіе въ немъ любви и невозможность для него преодолѣть то уединеніе, въ которое загнала его его гордость, отрѣзываютъ ему всякій путь къ Богу, какъ къ всепрощающей безконечной любви. Правда, Ставругинъ мучится «сознаніемъ неисполненной «любви», и его разумъ толкаетъ его къ тому, чтобы теоретически принять существованіе Бога, однакожъ онъ не вѣритъ въ Бога своимъ сердцемъ, у него нѣтъ органа, чтобы почувствовать себя объединеннымъ со своимъ ближними и съ Богомъ въ любви, т. е. у него нѣтъ дѣйственной (практической) вѣры въ Бога, которая только и есть подлинная вѣра. Не чувствуя себя жизненно связаннымъ съ Богомъ, Ставругинъ видитъ себя во власти дьявола. Онъ чувствуетъ живое присутствіе чорта, видитъ его воочию передъ собой, хотя разумъ его и толкуетъ ему его чорта какъ галлюцинацію. Такимъ образомъ отношеніе Ставругина къ дьяволу прямо противоположно отношенію къ Богу: съ чортомъ, реальность котораго его разумъ отказывается признавать, онъ чувствуетъ себя связаннымъ всѣмъ своимъ существомъ; напротивъ, Бога онъ отрицаетъ всѣмъ существомъ своимъ, хотя «сознаніе неисполненной любви» заставляетъ его разумъ признавать существованіе Бога. Его отчаяніе и сознаніе обреченности есть ни что иное, какъ ощущеніе начала смерти, которому онъ подпалъ, разорвавши связь свою съ началомъ любви и жизни. Воскресеніе же души достигается, по Достоевскому, не «катехизисомъ новой вѣры» и даже не «внезапнымъ подъемомъ» или отдѣльнымъ «героическимъ подвигомъ», но чтобы воскреснуть душою, нужно «нѣчто болѣе трудное — серьезная

и долгая нравственная работа, упорство въ любви». Иначе «изъ ангельскаго дѣла выйдетъ дѣло дьявола».

Ставрогинъ знаетъ это такъ же хорошо какъ и Тихонъ, онъ знаетъ, что онъ «осужденъ», и потому вмѣсто того, чтобы надѣяться на божественную любовь, онъ бросается во всѣ стороны, ожидая чуда то отъ своей исповѣди, то отъ Лизиной любви, то отъ жалости къ нему Даши, — подобно игроку, послѣдняя надежда котораго лежитъ не въ немъ самомъ и не Богѣ, а въ «поворотѣ колеса». Подобно тому, какъ подлинная, имѣющая источникомъ своимъ любовь, вѣра въ Бога есть жизнь, точно такъ же и вѣра въ дьявола, будучи слѣдствіемъ совершеннаго изсякновенія въ человѣкѣ любви, есть духовное разложеніе человѣка и его смерть. Поэтому-то и говоритъ Тихонъ, что совершенный атеистъ выше вѣрующаго въ дьявола безъ вѣры въ Бога, ибо вѣра въ дьявола безъ вѣры въ Бога есть безразличіе души и ея смерть. «Совершенный атеистъ, какъ хотите, а все-таки стоитъ на предпослѣдней, верхней ступени до совершеннѣйшей вѣры (тамъ перешагнетъ ли ее, нѣтъ ли), а равнодушный никакой уже вѣры не имѣетъ, кромѣ дурного страха». Въ этомъ и состоитъ смыслъ словъ изъ откровенія Іоанна, которыя Тихонъ читаетъ Ставрогину по его настоянію: «И Ангелу Лаодикійской церкви напиши: сіе глаголетъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія: знаю твоя дѣла; ни холоденъ, ни горячъ. О, есть ли бы ты былъ холоденъ или горячъ. Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то изблюю тебя изъ устъ моихъ. Ибо ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ, и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты жалокъ и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ....»

С. Гессенъ .